

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОИСКА

Азер Гамидович Эфендиев¹ (efendiev@hse.ru),
Андрей Александрович Кожанов^{1,2}

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

² Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Цитирование: Эфендиев А.Г., Кожанов А.А. (2024) Пути модернизации социологической идентичности: опыт теоретического поиска. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 7–37. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.1>. EDN: DPJYDK

Аннотация. Кризис, фрагментарность и «упадок духа» современной социологической науки анализируются с главной целью — наметить одну из стратегий преодоления кризисных явлений внутреннего развития современной социологии как науки, как профессии и как призвания. Важно для этого утвердить методологический монизм, что позволит восстановить социологическую идентичность на основе реконструированной системы социологического знания. Рассматриваются отдельные эпистемологические инструменты модернизации социологии: преодоления фрагментарности, научного изоляционизма и даже взаимной враждебности социологических парадигм, разработанные, в частности, на основе реализации принципа комплементарности, благодаря реализации которого несовпадающие или даже противоположные теории, характеризующиеся различными трактовками социальной реальности, создают более полное и корректное представление о социальной действительности как целостности, чем каждая по отдельности. На основе этого принципа сделана попытка обосновать некоторые теоретические и эмпирические стратегии исследования базовых понятий социологии: социальное, социальные институты, социальные структуры, утверждающие гармоническое единство и взаимодействие в социальной жизни символически объективного, структурно-функциональных независимых от актора условий, правил и символически субъективного как проявления феноменологически конструктивной активности, повседневного опыта актора.

Ключевые слова: кризис социологии, полипарадигмальность, структурно-функциональная традиция, феноменологическая концепция, постмодернистская традиция, деятельно-активистская концепция, принцип комплементарности, система социологического знания, социальное, символически объективное, символически субъективное.

Постановка проблемы

На современном этапе исторического развития на протяжении как минимум 30–40 (если не более) лет, социология и как наука, и как профессия, и как призвание испытывает серьезные негативные процессы, все чаще в последние годы трактуемые как «кризис». Кризисные явления в развитии нашей науки являются предметом серьезного беспокойства как отечественного, так и мирового социологического сообщества (см., например: Alexander 1982; Коллинз 1994; Pleasants 1997; Camic, Gross 1998; Ядов 2003; Zammuto 2004; Matthewman, Hoey 2006; Малинкин 2006; Гофман 2013; Радаев 2013; Романовский 2016). Показано, что кризисное состояние в социологии охватывает самые различные ее аспекты: от фундаментальных основ социологической науки до общественной репутации, от инструментально-методических аспектов до ее социальной востребованности. При этом на сегодняшний день многочисленные дискуссии по этому поводу, в которых часто повторяются слова о глубочайшем кризисе социологии, напоминают хаотичное online общение в Сети: каждый «говорит о своем», «наболевшем», переживаемом как наиболее важном. В результате дискуссия напоминает калейдоскоп самых различных недугов социологии. Не более того.

Важно понять, что разнообразные кризисные проблемы, описанные авторитетными исследователями (см. выше), шаг за шагом приводят и уже привели к коррозии, рассыпанию этой целостности как идентичности, ее деформации, «угасанию», если не сказать «элиминации» как явления.

Целью нашей работы является не историко-социологический анализ отдельных кризисных недугов и всего кризиса в целом. Мы концентрируем внимание на фундаментальных интегральных проблемах социологии, экзистенциально связанных с идентичностью социологической деятельности, понимаемой как ее тождественная целостность, единство. Тождественная целостность не как одинаковость, уподобляемость, а как органическое единство и тождественность исходных допущений понимания социальной жизни.

Наша работа представляет собой опыт разработки одной из моделей процесса формирования новой идентичности, точнее модернизации исторически сложившейся идентичности социологии как науки, призванной обеспечить ее успешное функционирование с учетом современного состояния, ее дееспособность и адекватность вызовам современного мира.

Предметом нашей работы являются эндогенные проблемы развития социологической науки, исследование внутренней организации социологического познания как целостной тождественности. В качестве основной

проблемы, решение которой составляет научный смысл работы, мы рассматриваем следующее.

Одной из глубинных характеристик современной социологии выступает признание того, что социологическое знание представляет собой фрагментированное по многим критериям (аспектам), направлениям, школам поле. Современная социология рассечена многими водоразделами изоляции, непримиримости, а иногда и научной враждебности и неприязни между «чистыми» теоретиками и эмпириками, количественниками и качественниками, социологическими реалистами и номиналистами, утверждающими познаваемость социальных явлений и социологами-агностиками, исследователями, реализующих принципы монистической методологии и сторонниками плюралистической методологии.

Природа кризиса социологии: эндогенный ракурс

Отчетливо симптомы текущего кризиса были сформулированы 20 лет назад в рамках дискуссии о «конце социологической теории»: «Многое из того, что мы говорим сегодня о работе коллег, отличается негативизмом, враждебностью, пренебрежением. Эта фракционность ослабляет социологию» (Коллинз 1994).

Эволюционные процессы развития социологического знания привели к кризису не только в связи с процессами конкуренции, но и кооперации между социологическими теориями. «Вся социология, — пишет Дж. Заммито, — подошла к кризису в конце 1980-х годов. Фундаментальное правдоподобие социальных объяснений было поставлено под сомнение» (Zammito 2004: 234). И это стало началом кризиса, в развитии которого мы находимся и сейчас¹.

Найджл Плизантс показывает логику этого кризиса. В частности, то, что фрагментация социологического теоретизирования, т.е. наличие сразу множества способов образцового решения исследовательской задачи (паттерна) вместо одного «правильного», привела к переносу интеллектуального противостояния из внешнего контура защиты социологии как науки во внутренний контур, где разнообразие и специфичность подходов, решений, методологий, «оптик», приводила к постоянному переопределению словаря и фундамента социологии (Pleasant 1997: 149).

До какого-то момента внутренние теоретические споры имели для социологии 1980–1990-х годов позитивный эффект, они повышали социологическую эвристику и открывали социологию соседним областям знания. Там мы, например, обрели этнометодологию, когнитивную социо-

¹ Подробнее этот вопрос рассмотрен в: (Кожанов 2015а).

логию, вычислительные социальные науки (Computational Social Research), но после новых обретений образовалась пустота в ядерном, основополагающем и квалифицирующем для любого социолога блоке — социологической теории. Ценой этих приобретений оказалась потеря чего-то большего, и не только общей социологической теории, но и универсальной, кодифицированной базы для построения теорий среднего диапазона.

Любопытное наблюдение: если раньше в учебных планах университетской подготовки социолога основное внимание уделялось обязательным дисциплинам (общие дисциплины профессионального цикла), то сейчас вариативность курсов является, пожалуй, основной гордостью университетских школ — наличие эксклюзивных, узкопрофилированных, авторских курсов, а не единого учебника (пусть даже вызывающего критику коллег), общего курса по социологической теории. Пожалуй, только наличие консолидированной истории социологии (от Конта до Сорокина) еще может считаться платформой для научной коммуникации социологов, единство в методах и теоретизировании все еще находится на стадии взаимного подозрения и в ситуации «культуры отмены», когда направления или методологии осознанно не упоминаются, вместо того чтобы критиковаться.

На пересечении этих расколов возникло множество социологических локаций, испытывающих научное отторжение, а нередко и чувство научной вражды, локаций, участники которых говорят на разных «научных» языках. В результате сегодня во многом деформировано, если не утрачена, идентичность социологии как науки. Основная причина, на наш взгляд, деформированного состояния идентичности и ее публичной репрезентации социологии заключается в историческом «запаздывании» процесса формирования современной идентичности социологии, ее модернизации, отвечающей новым приобретениям, которая сделала социология за последние 30–40 лет, новым вызовам современного мира. Идентичность, опирающаяся на подходы, господствовавшие до 1960–1970-х годов, сдвигавшие социологию великой наукой, деформированы и фактически распались, профессиональная рефлексия ставит вопрос о модернизации и обновлении (House 2019).

Речь идет о формировании новой идейно-духовной и методологической целостности, единства социологии как науки, как призвания, как профессии.

Исследуя методологические основания решения данной проблемы, мы исходим из следующего.

Ведущий критерий социологии как вида научно-познавательной деятельности заключается в «формировании обобщенных объяснительных

принципов, организованных в модели глубинных процессов, порождающих социальный мир» (Коллинз 1994: 71).

Научное социологическое знание (и это во многом *интегральный критерий*) образует систему (а не конгломерат, симбиоз) обоснованных концепций, моделей, универсальных конструкций, категорий.

Элементы данной системы, во-первых, имеют определенную структуру, иерархизированы, взаимосвязь между иерархизированными элементами имеет определенную логику и последовательность; во-вторых, представляют собой организованное множество, реализующих принципы методологического монизма в понимании исходных посылов изучения социальной жизни; в-третьих, эта система носит открытый (а незакрытый) характер, находится в постоянном развитии под воздействием изменений, происходящих в обществе, в тенденциях его развития и новых научных свидетельств и теорий. Данная система и есть идейно-содержательная основа идентичности, единства и целостности мировой социологии как науки, как профессии и как призвания.

В контексте данной работы принципиально выделение еще одного тезиса: *рассмотрение идентичности социологической деятельности как исторически развивающегося феномена*. В основе его исторического развития лежат, с одной стороны, новые достижения теоретического и эмпирического познания социальной жизни, с другой стороны, изменяющаяся социальная действительность, приобретающая новые черты, тенденции развития. Идентичность, в основе которой достижения социологии с XIX в. до примерно 1960-х годов, социальный мир индустриальной эпохи заложили фундамент социологии, который сохранил свое значение и в современную эпоху.

Социологическая деятельность приобрела, благодаря усилиям наших классиков ориентацию на объективные, истинные знания, базирующиеся на обоснованных эмпирических доказательствах, органически присущей ей многоуровневой связи теории и эмпирики, рационализме.

В то же время ряд идейно-теоретических посылов, подходов показали свою ограниченность начиная с бурных 1960-х годов. Конец XX в. и особенно первая четверть XXI в. показали неспособность объяснить новый изменчивый, бурно развивающийся мир в рамках прежних социологических догматов с их акцентом на стабильность и европоцентризм, составлявших во многом основу старой исторически сложившейся идентичности. Эта неспособность и стала причиной кризиса социологии, того «разброда и шатания», который мы наблюдаем и который охватил как теоретическую, так и эмпирическую социологию, как теоретические идеи, модели, так и методы исследования.

Ортогональная практика vs комплементарная перспектива социологической идентичности

Современное социологическое знание как определенная модель познавательной деятельности, таким образом, должно представлять собой целостную, иерархизированную систему общественно ориентированных и востребованных эмпирически обоснованных объективных (истинных) научных знаний об устойчивых тенденциях, закономерностях развития явлений социальной жизни, построенную на принципах монистической методологии и познаваемости социальной жизни.

К сожалению, на современном этапе социологическое знание не в полной мере отвечает критериям целостной, единой системы, скорее это некое условно обозначенное поле с размытыми и даже подчас изолированными взаимоисключающими эпистемологическими принципами, локациями познавательной деятельности. Все сильнее проявляется теоретический и методологический хаос. Как показало активное развитие постмодернизма в последние два-три десятилетия, дальнейшее развитие нашей науки без модернизации ее фундаментальных начал таит в себе усиление кризиса научности социологии, релятивизма, агноститизма, «мелкотемья», псевдодоказательности. Все это ведет к размыванию, деформации идентичности социологии как науки, профессии и призвания.

Главной когнитивной причиной такого положения является приоритет ортогонального принципа в социологическом теоретическом и инструментально-эмпирическом дискурсах. Имеется в виду явное или латентное утверждение принципиальной независимости, несовместимости («вертикальности») различных теоретических и инструментально-методических подходов. Ортогональность может проявляться как в открытой (воинственной) форме непризнания других путей поиска истины, так и в латентной форме, в которой или не учитываются, или учитываются чисто ситуативно-прагматично иные концепции и позиции, так и в констатирующей миролюбивой форме, в виде признания несовместимости мегаподходов, концепций и признающие такое положение дел нормальным.

Ортогональность имеет свои эпистемологические и историко-социологические корни. Во-первых, каждый автор стремится сделать акцент на том особенном, специфическом, что составляет особенности его видения, концепции. Вполне закономерная для индивидуального творчества практика оборачивается для всей науки губительными последствиями в результате примата (по крайней мере в отечественной социологии) историко-социологического дискурса над общесоциологическими утверждениями по формуле «история социологии и есть теория социологии». Историко-

социологический анализ, чаще всего делая акцент на той особенности, которая характеризует творчество того или иного социолога, или содержание той (тех) или иной (иных) социологических идей и теорий концентрирует внимание не на универсальном, едином, а на специфическом, отличительном. В результате формируется особое видение самого социологического научного поля, в котором состояются, борются несовместимые концепции. На обочине остаются проблемы, требующие содержательного теоретического постижения актуальных явлений переживаемого социального бытия

Преодоление фрагментации социологии как науки, укрепление социологического знания как единой структурированной системы, модернизация идентичности социологии, на наш взгляд, предполагает в качестве одного из важнейших условий последовательную реализацию принципа комплементарности в развитии социологии, т.е. принципа взаимного дополнения различных подходов и позиций.

Исторически, как отмечают Чарльз Камик и Нил Гросс, одним из решений проблемы фрагментарности социологической теории были попытки поиска модели диалога между теоретическими подходами, которые исходили не из идеи преодоления фрагментарности за счет ее отрицания или за счет преодоления в конкретном эмпирическом исследовании, а из необходимости понимания комплементарности теоретических подходов.

Описывая историю поисков модели такого диалога в социологической теории, Камик и Гросс отмечают: «Но текущие проекты диалога направлены не только на то, чтобы подчеркнуть функции теоретического разнообразия, но и на признание и поощрение комбинаций и взаимодействий различных теоретических точек зрения — цель, которая может быть понята по-разному» (Camic, Gross 1998: 461). Они описывают точку зрения Дональда Левина (научного руководителя Чарльза Камика), который разрабатывал модель диалога между социологическими теориями, но делал это в определенном ключе. Для него первичным было понимание лингвистических различий между теориями в духе диакритических знаков — языковых маркеров, служащих для различения. А модель самого сопряжения теорий и их сочетания в единой теоретической модели он рассматривал на основе социально-психологической готовности и открытости социологов к диалогу друг с другом. «Будучи убежденным в том, что общение — спокойное “понимание действительно альтернативных точек зрения” — это и есть “исцеляющая реакция” в ответ на крики о фрагментации, Левин ставит перед теоретиками задачу культивировать “дух диалога”, особенно путем “использования наших разнообразных форм социального знания” и, таким образом, создания “общего словаря, кото-

рый социологи могут использовать для ведения конструктивных бесед об их различиях», в то же время «открывая (для себя) более широкий спектр возможностей»¹) (Camic, Gross 1998: 461).

Сам Д. Левин был сконцентрирован на рассмотрении формы и функции социальной теории для целей объяснения общества, в их классификации и уровнях обобщений пытался найти ответ на вопрос, как преодолеть фрагментарность социологической теории. Он был сторонником плюрализма при оценке различных подходов, но видел за множеством форм выражения социальной мысли какую-то общую идею или цель социального познания. Он признавал, что «вопрос о взаимосвязи, которая возникает между различными формами, действительно остается открытым». И, полагая, что это вопрос будущих теоретических изысканий, заключал, что «на данный момент² я не могу найти оснований для априорного утверждения о том, что связь между любыми двумя расходящимися формами обязательно имеет один вид применительно к любой проблеме». Иными словами, он видел функциональную полезность комплементарности социологических теорий, проводил этот историко-социологический анализ начиная с Конта, Вебера и Дюркгейма, но не мог сформулировать окончательный принцип (правило), по которому эта комплементарность (или, в его терминах, диалог), могла бы быть определена как природа социального теоретизирования.

В заключительно работе, вышедшей в свет после его кончины, Левин пишет: «Может случиться так, что расходящиеся формы не имеют отношения друг к другу, например когда они определяют совершенно разные проблемы и обращаются к ним. Может случиться так, что они пересекаются друг с другом, например когда генерируют разные определения сходной проблемы. Может случиться так, что они конкурируют, например когда решают сходную проблему, но приводят к разным решениям. Они могут быть связаны в режиме совместной работы, например, когда они касаются разных частей одной и той же проблемы. Или, когда они касаются разных аспектов одной и той же проблемы, мы можем рассматривать их взаимосвязь как комплементарность. Но в финале, мы можем рассматривать их взаимосвязь как воплощенную в некотором архитектурном синтезе, когда кажется, что они выполняют различные задачи, которые

¹ Камик и Гросс приводят здесь цитаты из монографии Д. Левина «Видения социологической традиции» (Levine 1995: 2, 297, 305, 324, 329).

² Речь идет о периоде с 2002 г. до конца жизни (Дональд Левин умер в 2015 г.), когда он формулирует основные принципы своей теории диалога социологических теорий.

интегрированы или поддаются интеграции в некоторую иерархическую или последовательную структуру» (Levine 2018: 266).

По сути, он описывает развитие «куновских сообществ» в науке, где теоретические предпочтения или установки рассматриваются как результат социализации и некритического воспроизводства локальных парадигм. «За редкими исключениями, немногие современные проекты демонстрируют осведомленность о множестве других проектов, с которыми они разделяют теоретическую область. Такая ситуация исключает систематическое взаимодействие в области возможных взаимосвязей между проектами: различных интеллектуальных вопросов, к которым различные проекты могут быть по-разному применимы; точек, в которых различные программы могут работать в режиме сотрудничества, комплементарности, интеграции или сквозного взаимодействия, в отличие от вопросов, в которых они конкурируют или где они нерелевантны друг другу¹» (Camic, Gross 1998: 46).

Для раннего понимания задачи преодоления фрагментарности характерны педагогическая нацеленность на формирование единства социологов как «мыслящего коллектива» с очевидным подозрением, что за этим может стоять нечто большее — объективная потребность или условие адекватного социологического теоретизирования. Этот этап истории развития метатеории в социологии является для нас точкой опоры и одновременно поворота: мы фиксируем понятие комплементарности, считаем его плодотворным, но переопределяем его на другом, более абстрактном уровне философии социальных наук.

Наше понимание комплементарности (взаимодополнения) как принципа научного познания основывается на следующих ключевых идеях.

Комплементарность — это эпистемологический принцип, благодаря реализации которого различные или даже противоположные теории, идеи, характеризующиеся различными взглядами на социальную действительность, совместно (дополняя друг друга) создают более полное и точное представление о социальной реальности как целостности, чем каждая по отдельности.

В философском дискурсе комплементарность создает познавательную целостность как единство и противоположность, противоречие «идеи и бытие». В социологическом познании, в нашем случае как единство и противоположность (как это будет показано ниже) «структуры и автономии личности».

¹ Камик и Гросс отсылают здесь к работе Левина «Формы и функции социального знания» (Levine 1986).

При таком подходе комплементарность выступает как принцип познания действительности как внутри себя противоречивой целостности как единства и интеллектуального соперничества, конкуренции, борьбы противоположностей в процессе научной рефлексии действительности. Иными словами, комплементарность применима там и в тех случаях, когда мы познаем внутренне противоречивую действительность, порождением которой является противоречие, антагонизм научных идей, их отражающих. Комплементарность выражает эту противоречивость и «примиряет» эти противоречия в рамках единого познавательного дискурса.

Интеллектуальным инструментом подобного «примирения» могут выступать различные методы познавательной деятельности (аналогия, сопоставление, сочетание и т.п.) Мы реализуем комплементарность как эпистемологический принцип, который предполагает не просто дополнение, сочетание, суммирование, а синтез (различных) позиций, идей, методологических принципов, который ведет к порождению нового знания, новых теоретических и методолого-инструментальных моделей социологической деятельности. Стратегически, рожденное в результате комплементарного синтеза новое выступает как «отрицание отрицания» предыдущего и рождение принципиально нового с сохранением в своем содержании позитивного прошлого опыта научного познания.

В стратегическом понимании принцип комплементарности ведет к формированию единой, целостной системы идей, подходов на основе монистической методологии. В современной социологии осознанно стремление к комплементарному синтезу различных социологических платформ в творчестве таких авторитетов, как П. Бурдьё, Э. Гидденс, А. Штомпка. Но эти попытки стали лишь шагом, первым этапом процесса формирования единой системы, идентичной тождественности современного социологического знания

По нашему мнению, процесс модернизации социологической идентичности предполагает, в качестве (одних из) ключевых, преодоление проблемы полипарадигмальности.

Единство, целостность социологии vs полипарадигмальность

Одним из главных (если не главным), на наш взгляд, препятствием на пути модернизации идентичности социологии как науки является «дурное разнообразие», хаос, который царит в сфере социологической теории, понимания исходных начал социологического анализа, называемое полипарадигмальностью. Знаменитый методолог и философ науки Имре Лакатос писал: «Если рассмотреть наиболее значительные последователь-

ности, имевшие место в истории науки, то видно, что они характеризуются непрерывностью, связывающей их элементы в единое целое. Эта непрерывность есть не что иное, как развитие некоторой исследовательской программы, начало которой может быть положено самыми абстрактными утверждениями» (Лакатос 1995: 79).

Парадигмы в социологии, как писал В.А. Ядов, — это группы теорий, которые объединяет: а) «принятие некоторой общей... философской... идеи о социальном мире... о том, что есть социальное»; б) критериев «обоснованности и достоверности знаний...»; в) наличие «общего круга проблем... исследуемых в рамках данной парадигмы» (Ядов 2003: 11–15). Солидаризуюсь с этим определением социологических парадигм, обратим внимание на то, что это не только группа сугубо теоретических конструкций и моделей, но и конгруэнтных им инструментов научного познания и обусловленное теоретическими моделями и инструментальными методами проблемное поле, которое та или иная парадигма отбирает для своих исследований. Близким к этому смыслу становится понятие «модели объяснения в социологии» (Девятко 1996), в котором вопросы понимания парадигмы Томаса Куна в узком и в широком смысле, т.е. как типового решения исследовательской задачи или как мировоззрения ученого, объединяются в прагматичные конфигурации исследовательского цикла, в котором первое и второе взаимодействуют постоянно.

Сделаем еще один важный комментарий определения парадигмы в социологии. В основе парадигмы лежит метасоциологическое понимание социального, соответствующего современным представлениям о мире. Роберт Мертон писал: «Каждая теория — это нечто большее, чем простое эмпирическое обобщение, то есть отдельное утверждение, суммирующее наблюдаемые закономерности отношений между двумя или более переменными. Теория содержит множество предположений, из которых получены сами эмпирические обобщения» (Мертон 2006: 67).

История социологии последних десятилетий знает множество научных классификаций социологических парадигм. Одним из первых классификацию парадигм в социологии предложил Джордж Ритцер (Ritzer 1975). Он выделил парадигмы надындивидуальных социальных структур, интенционально действующих социальных субъектов, собственно поведения этих субъектов, рассмотрев их затем систематически в попытке построить социологическое метатеоретизирование (Ritzer 1991). В российской социологии достойным эквивалентом этой классификации являются предложенные В.А. Ядовым системно-структурная, феноменологическая (субъективная) и деятельно-активистская парадигмы (Ядов 2003).

После «ритцереvского» осмысления парадигм в социологии через успешные кейсы, что вполне в духе куновского понимания парадигмы как «образца», способа решения исследовательской проблемы, мета-теоретизирование стало развиваться в сторону большего масштаба обобщений. Так, «теоретические логики» Джеффри Александра, сформулированные им в многотомной работе «Теоретическая логика в социологии» (Alexander 1982), рассматривают всю историю социологии в сложном, глубоко исторически контекстуальном развитии от классического единства социологии в период ее позитивизма через антиномии (классические интеллектуальные противостояния) периода XIX — начала XX в. до появления теоретических синтезов (у М. Вебера) и их теоретических реконструкция в период зрелого модерна (у Т. Парсонса). То есть у Дж. Александра речь идет не столько об одной, линейной классификации (ее место занимает хронология развития социологической мысли), а о появлении на каждом этапе развития своего метатеоретического смысла, назначения развития.

Полипарадигмальности противостоит монистическая методология, воспринимаемая апологетами полипарадигмальности как архаизм, диктат, в результате которого может быть уничтожено разнообразие социологических идей и теорий. Нередко проблему «полипарадигмальность vs монизм» увязывают с определенной системой политических ценностей, как минимум политикой организации науки, что в корне неверно. Внутренняя организация науки в принципе отлична от организации общей.

Как справедливо отмечал А.Н. Малинкин, «сторонники полипарадигмального подхода исходят из постулата о том, что сосуществование и конкуренция множества парадигм... закономерные следствия реализации демократических свобод, опирается на т.н. либералистские и прагматические принципы» (Малинкин 2006). А «утверждения парадигмального подхода к анализу социальных процессов, особенно в работах молодых авторов, позволяют надеяться на то, что российская социология приближается к современному общемировому уровню» (Ядов 2003: 17).

Хотим верно быть понятыми. Для нас разнообразие теоретических идей, их оппонирование друг другу — важный признак и метод развития современного социологического познания. В признании монизма нет ни грамма сциентического тоталитаризма, посягательства путем научных репрессий всех подчинить одному мнению, одной концепции.

Вопрос может быть прояснен, если мы введем, наряду с понятием полипарадигмальность, понятие мульти(поли)теоретичность. Второе гораздо шире. Политеоретичность является естественной формой развития научного знания, в том числе на основе монистической методологии.

Если мульти(поли)теоретичность выступает как всеобщий инструмент социологического познания, поиска объективной истины, то полипарадигмальность выступает как методологический принцип, противостоящий монизму («или... или»). Полипарадигмальность ведет к признанию нескольких сущностей социального, нескольких идентичностей, нескольких целостных систем социологии. Монизм формирует единую идентичность, единое ментальное пространство, где мыслят и говорят на едином языке основополагающих понятий, базовых закономерностей, все понимают друг друга, обладая единым социологическим воображением, восприятием окружающего мира.

Преодоление полипарадигмальности на основе принципа комплементарности, на наш взгляд, процесс поэтапный.

Начальный этап — различение — обнаруживает односторонность, однобокость, характерные для этих парадигм. Начать демонстрацию этого принципа можно с опыта исследования Джона Заммито в области истории новейшей социальной теории. В работе «Приятное расстройство эпистем» (Zammuto 2004) американский историк науки проводит глубокий, критический и весьма саркастический анализ ситуации в «эпистемах» социальных наук с 1950 г. до наших дней — периода формирования постпозитивистской философии социальных наук (от Куайна до Латура). Показывая ситуацию в современном многообразии версий социологического релятивизма, критической теории, социального конструктивизма и «сильной программы» как беспорядочное, но красивое, как прекрасно безумное нагромождение неотрефлексированных до конца авторских подходов, прочтений, толкований, Заммито пытается найти объяснения этому процессу формирования идентичности и саморепрезентаций социологов в недрах философии науки, интеллектуальных пристрастиях («дух времени») в западной традиции. Отечественная социология, которая до сих пор остается в известной степени закрытой в рамках своей истории и своего языка (буквально — русского языка!), в меньшей степени может быть объяснена влиянием европейской версии постпозитивизма, скажем, Жака Дерриды и его идеи деконструкции как вида аналитической философии. Тем не менее способ описания современного состояния современной социальной теории как «красивый беспорядок» видится таким же и по эту сторону Атлантики.

Понятие «эпистема», понимаемое то в смысле простого теоретического знания, то в смысле скрытых социальных векторов, сил и интересов, пронизывающих актуальный социологический дискурс, так слабо определено, в том числе у М. Фуко, что его использование становится частью «текучей современности» З. Баумана, в которой смысл «протекает сквозь

пальцы». В этом и состоит ироничный контекст использования «эпистемы» в работе Заммито, показывающий манипулятивные риторические стратегии придания теоретической значимости тем языкам описания, которые не обладают на самом деле признаками научного объяснения, которые мы рассматривали выше.

Нельзя также не учитывать фактор интеллектуальной моды в социологии и его влияние на формирование «приятного расстройств» социальной теории. Как остроумно заметил А.Б. Гофман одной из публичных лекций в 2010 г., «чем меньше мода на социологию, тем больше моды внутри социологии» (подробнее см.: Гофман 2013).

Однбокость объективистской парадигмы и структурного функционализма, являющегося ядром прежней исторически сложившейся идентичности социологии, породила ряд неблагоприятных тенденций, породивших кризисные явления в развитии современной социологии. Так или иначе историческая ограниченность, которая объясняется не только (да и не столько) акцентом на стабильность, запрограммированное взаимодействие структур, институтов в процессе функционирования общества, стало осознаваемой причиной пересмотра основных устоев социологической идентичности в 1960–1970-х годах.

Структурный функционализм в определенной степени засушил социальные устои, структуры, элиминировав из них личностей, акторов, процесс принятия ими правил, согласие с ними, размышления о желательном, реалистичном и т.д.

Использованная Э. Дюркгеймом метафора социального явления «как вещи», осознанно или неосознанно породило отношение к социальным конструкциям и институтам как существующим внеиндивидуально, что так или иначе придало социологическому реализму натуробъективность, физикализм социального. Как отмечал П. Бурдьё, подобные метаморфозы произошли и у К. Маркса с его трактовкой, например, классов как не выводимых из межиндивидуальных солидарностей социальных групп, данных как бы априори (Бурдьё 1993).

В результате социальные порядки, структуры выглядят не только в переносном, но и в прямом смысле «окаменевшими». В рамках структурного функционализма социальное «обезлюдено», «обесчеловечено». Неслучайно П. Вайзе с иронией заметил, что традиционно социологический человек «разучивает, материализует и играет свои роли с тихой радостью субъекта, для которого нет большего удовольствия, чем минимизировать разницу между должным и сущим. <...> Сам человек может отсутствовать, его заменяют доводы разума и ожидания» (Вайзе 1994: 117).

В результате в рамках структурного функционализма возникают непреодолимые затруднения в понимании свободы личности, ее социального творчества и инициативы.

Активная, созидательная сила деятельности агента (термин, используемый постмодернистами в химическом смысле слова — как элемент действующий, активный), преимущественно раскрывается в работах феноменологов и постмодернистов, а также в работах М. Арчер, П. Бурдьё, приложивших усилия для модернизации структурно-функционального анализа.

Далее, исключив личность, ее переживание из повестки научного поиска, структурный функционализм (в версии Т. Парсонса) фактически не замечает деятельность личностей и, более широко, историческую практику, отдавая приоритет сложившимся культурным доминантам (ценностям, нормам, социальному контролю и порядку).

При этом фокус на закономерностях общественного функционирования и эволюции, характерный для европейской модели, сформировал евроцентристские акценты, характерные для прежней социологической идентичности.

Реакция на неспособность структурного функционализма ответить на вызовы истории привели на первом этапе к бурному развитию теорий типа этнометодологии, сводивших социологию к анализу речи, и, более широко, к феноменологической социологии.

В социологии в последней трети XX в. — начале XXI в. развитие получили различные концепции, учения, объединенные под зонтичным понятием «постмодернизм». Последнее в современной социологии антипод не только объективизма и прежде всего структурного функционализма, но и науки вообще. Ограниченность, односторонность и даже антинаучность постмодернизма описана достаточно подробно как у нас, так и за рубежом (см., например: Mattherman, Douglas 2006; Зарубина 2012; Мнацаканян 2016; Щелкин 2017; Borden 2019).

Если попытаться определить основные методолого-фундаментальные упущения «постмодернизма», нанесших в чем-то непоправимый ущерб социологии как науке, профессии и призванию, то выделим следующее.

Во-первых, в постмодернизме так или иначе происходит элиминация символически объективного и абсолютизация, акцентирование на символически субъективном. В этом ключе проблема ставится как «эпистемологическая дилемма» в социологии (Александр 2004). По сути, общество как относительно независимая от агента данность исчезает. «Постмодернизм», по сути, сводит социальное к субъективной перцепции, к конструктам сознания, воображения, языка. Последствие подобной деонтоло-

гизации — отказ социальной жизни в праве на наличие устойчивого, закономерного, неодолимого и его познания. По сути, социологии предрекают превращение из науки в эссеистику.

Во-вторых, происходит редуцирование исследования закономерного, неслучайного в описание сиюминутного, в «мелкотемье», когда в исследованиях на первый план выходят «личные пристрастия социолога», далекие от задач познания фундаментальных закономерностей развития российского общества (Тощенко 2013). В современной социологии благодаря нарастанию в ней постмодернистских тенденций происходит проблематизация обыденных явлений и процессов (Радаев 2013). Примером могут служить социологические работы, предметом анализа которых являются микропрактики или поведенческие реакции, которые с точки зрения традиционной науки либо не содержат научной задачи вообще, либо таковая не может быть отнесена к социологической. Исследования «неявного знания», обращения с металлическими монетами, владения каллиграфическим почерком, поздравления с помощью открытки и подобные составили череду текстов, демонстрирующих некие тезисы, но не ведущих к приращению нового научного знания в социологии.

В-третьих (и это вытекает из предыдущего), встает проблема познаваемости социального мира, формируется в той или иной форме агностицизм. Агностическая традиция восходит к философу Ж. Лиотару, который открыто призывает не к изучению социальной реальности, а к любованию ею. Постмодернистский подход к социальной реальности порождает индетерминизм и в конечном счете агностицизм, что неминуемо маргинализирует социологию.

Вместе с тем хотели бы обратить внимание на два обстоятельства.

Первое. В немалой степени постмодернистские конструкции есть своеобразная реакция на жесткость и прямолинейность функционально-го структурализма.

Второе. Постмодернизм выдвинул ряд подходов и идей, которые при соответствующей «обработке» существенно обогащают социологический анализ современности. Некоторые из них будут представлены позже.

Второй этап, назовем его «вчитывание» в позитивные идеи, схемы, модели, развиваемые в рамках различных парадигм, закладывает толерантное отношение к идеям оппонируемой парадигмы вместо противостояния и противоборства. Процесс научного исследования перерастает в процесс содружества различных идей. На этом этапе выявляется, что различие между противоборствующими парадигмами чисто условное, носит не онтологический, а эпистемолого-познавательный характер. Это

касается, в частности, различия социологического реализма и социологического номинализма.

Независимая от личности социальная структура, которая диктует конкретной личности ее поведение, есть не что иное, как результат договоренностей, к которому как к итогу дискуссий, противоборств, убеждений и согласия приходят акторы.

Интерпретативный подход раскрывает генезис общественных структур, социальный реализм же делает акцент на функционировании результата процесса становления и развития общественных требований, структур и т.д.

Есть еще одна важная трактовка фундаментального различия реализма и номинализма акцентирует наше внимание на соотношении существующих вне личности общественных требований, порядков и личностного процесса интернализации этого социального мира.

Ни Э. Дюркгейм (хорошо понимавший, что по своей онтологии социальные конструкции не являются материальными вещами, считал необходимым их познавать как вещи, путем наблюдения, эксперимента) — исторический столп социологического реализма, ни М. Вебер — основоположник интерпретативно-номиналистской парадигмы, никогда не выступавший против объективности социальных структур, не усматривали ортогональности (несовместимости) своих подходов. По крайней мере они нигде не высказывались об этом. Это касается и таких более поздних классиков, как Т. Парсонс, Г. Блумер, Р. Мертон и т.д. Список легко можно продолжить.

«Социальное» как понятие: опыт комплементарной реконструкции

Третий этап, самый важный, — комплементарный синтез парадигм, в результате которого: а) преодолевается полипарадигмальность, б) рождается новое знание, в) формируется одна из теоретических основ новой идентичности социологии на основе монистической методологии.

Интеллектуальная технология, осуществление комплементарного синтеза — мультитеоретичность, т.е. совмещение различных теорий для объяснения социального как явления.

Следует учесть, что не всякое совмещение различных социологических теорий, применение мультитеоретических подходов автоматически ведет к признанию новой «философии» толкования «социального», а значит к продвижению к новой основе модернизированной социологической идентичности. Ярким примером мультитеоретического подхода, его преимуществ и ограниченности являются исследования процесса форми-

рования социальных институтов «постмодернистами» П. Бергером и Т. Лукманом (Бергер, Лукман 1995). Реализуя интерпретативный подход к исследованию зарождения институтов, их функционирования у новых поколений акторов, им фактически удается «расколдовать» проблему исторического и объективного в социальной жизни — базисного положения социологического реализма и структурного функционализма. Напомним, акцентируя внимание на факте объективности социальных структур и систем, реалистами так и не была «расколдована» проблема истоков объективного, исторического в социальном бытии.

Обращает на себя внимание признание самого Т. Лукмана о замысле книги, написанной им в соавторстве с П. Бергером. «Она избирательно и эклектично основывалась на основных идеях антропологических работ К. Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии Макса Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида» (Интервью с профессором Томасом Лукманом 2002: 8).

Между тем эффективное применение мультитеоретического подхода П. Бергером и Т. Лукманом происходило в неизменных рамках субъективно-интерпретативной парадигмы. В центре внимания авторов возникновение и функционирование различных форм мышления, социология знания, интернализация реальности. Совмещение теорий произошло, но синтез, рождающий новую парадигму, еще не состоялся.

По пути синтеза теоретических подходов (где мультитеоретичность лишь один из необходимых механизмов интеллектуально-познавательной деятельности), порождения нового «философского» видения осуществляли свои теоретические поиски представители так называемой активно-деятельностной парадигмы (П. Бурдьё, А. Гидденс, М. Арчер, П. Штомпка). Наше понимание активно-деятельностной парадигмы, понятий поля, социальные изменения в дискурсе этой парадигмы изложены в работе: (Эфендиев 2021).

Специфическая картина социального мира с габитусом, человеческими капиталами, практикой и пространствами создана П. Бурдьё, теоретические принципы концепции которого «в двух словах можно определить как конструктивистский структурализм или структуралистский конструктивизм» (Бурдьё 1993: 137). Выступая с позиций критически осмысленного структурного функционализма, он подвергает последовательной критике этнометодологию и, более широко, феноменологическую социологию. При этом П. Бурдьё, как и другие представители складывающейся деятельностно-активистской парадигмы, осуществляет синтез теорий, стремясь «окончательно преодолеть искусственное противопоставление **структуры** и **представлений** (выделено нами. — *Авт.*), что возможно только отказав-

шись от определенного способа мышления... в рамках которого люди признают реальностью только основанное на интуиции знания... что характерно для представителей субъективно-интерпретативной социологии и в современной социологии постмодернизма» (Бурдые 1993: 139).

Есть основания полагать, что тенденции научного познания, реализуемые в процессе формирования деятельностно-активистской парадигмы, во-первых, преодолевают ограниченность как структурно-функционализма в процессе его критического осмысления, так и последовательный субъективизм, деонтологизацию, редуцирование социального к восприятиям, высказываниям, речи, характерных для феноменологии и постмодернизма; во-вторых, в деятельностно-активной парадигме происходит органический синтез этих доктрин, и намечены шаги к формированию качественно нового представления о социальной жизни. Все это позволяет выдвинуть предположение, что благодаря развитию деятельностно-активистского понимания социальной жизни реализуется одно из направлений формирования новой системы социологических знаний, модернизация социологической идентичности.

Данный процесс еще далек от завершения, требуется огромная работа по становлению и развитию категориального аппарата, формирование единой всеохватной системы научных знаний, опирающихся на доказательную и обоснованную эмпирически основу.

Особое значение, на наш взгляд, имеет формирование, в частности, деятельностно-активистского понимания социального как безусловно базового понятия социологии.

Удивительно, но в социологии по сей день не выработано всеобъемлющего и в то же время однозначно толкуемого фундаментального понимания (определения) социального. Ряд авторов предельно расширительно трактуют социальное, идя по пути «от противного», как противоположное природному, тем самым создают основу для трактовки всего внеприродного как социального, что затрудняет понимание отличия социального от культурного, психического и другого многообразия внеприродного в человеческом существовании

Другие, как справедливо отмечает Б. Латур, один из авторитетов современного постмодернизма, под «социальным» начинают понимать разнovidность материала, пользуясь этим термином как прилагательным примерно того же ряда, что и «деревянное», «стальное», «биологическое», «экономическое», «ментальное», «организационное» или «мифическое». В этом случае понятие «социальное» «предстает как особый тип компонента, который, как предполагается, отличается от других материалов» (Латур 2014: 11), а не сам процесс «сборки этих компонентов» (термин

Б. Латура). В результате социальное подменяется социальной сферой, социологическая деятельность оттесняется в сферу социальной политики, социальной работы и т.д.

Нередко, избегая определения «социального», заменяют его носителями «социальные общности», «социальные структуры», а еще чаще «общество», «социальные связи». Предельная размытость, если не сказать неопределенность, ключевого фундаментального понятия, вне всякого сомнения, усугубляет кризис социологии, определенно являясь тормозом процесса модернизации социологической идентичности. Ведь социальное — это ген, постоянно присутствующий в каждой клеточке, фрагменте социальной жизни.

Исходным моментом нашего понимания «социального» является веберовская «ориентация на Другого», или «ожидание ожидания».

Речь идет, на наш взгляд, об особом типе регуляции взаимоотношений индивидов, которое, во-первых, противостоит природной, преимущественно инстинктивной, «запрограммированной» (а потому в основном малоизменяемой) регуляции взаимосвязи индивидов. Социальное — это внеприродная регуляция только взаимоотношений (их изменения) индивидов. Другие внеприродные явления не могут быть рассмотрены как социальное.

Специфичность социального как особого типа (формы) регуляции в том, что, на наш взгляд, оно осуществляется как интенция-ориентация на взаимоотношения на основе опережающего прогноза поведения партнера (партнеров, окружающих и т.п.), осуществляемого на базе имеющихся взаимных обязательств, договоренностей, правил и норм. Это не просто экспектация. Социальное — это интенция, направленная на другого на основе определенного ожидания, которое порождено наличествующими нормами, принятыми законами, традициями.

Следует отметить еще один момент.

В структуре социального интенция на другого с ожиданием ответного действия — это личностно-субъективный феномен, который не существует как некая застывшая конструкция, а это «пульсирующее» ожидание, ритм пульсации которого определяется пониманием актора внешних условий, его вызовов, желаниями, ресурсными возможностями актора ответить (или не замечать) на эти вызовы. Иными словами, социальное в качестве важнейшей компоненты, согласно нашему пониманию, включает в себя личностно-интенциональный, субъективный, подвижный, способный изменяться и изменять элемент.

С одной стороны, социальное, которое как «эфир» существует во всех конструкциях, явлениях социальной реальности, нельзя понять, без

взаимосогласованных, принятых правил, норм, которые наполняют вероятный прогноз определенным рамочным содержанием. С другой стороны, социальное — это не абстракция, а наполненное волей, движениями души интенционально-субъективное отношение к партнеру, который обладает собственной логикой, программой действий, опирается на определенные ресурсы.

Итак, любое «социальное» изначально вбирает в себя два начала: а) существующие символически, но имеющие объективную, т.е. независимую от актуального сознания окружающих природу договоренностей, принятых правил игры, традиций, приличий; б) символически субъективные (субъектные) ориентации, интенции актора строить отношения связи с другими (по существующим правилам, традициям или изменяя их).

Оба начала социально-символические. Наше понимание социального как регулятора взаимоотношений на основе опережающего прогноза ответного действия партнера, далека от натуробъективистских, физикалистских трактовок. Первое начало выступает в качестве объективно-обязывающего, принуждающего элемента, что обеспечивает устойчивость и самовозобновляемость социальных явлений; второе начало в качестве субъективных интенций, ориентаций (на другого) согласия (или несогласия) с принятыми договоренностями, способностью желать, обладать волей, т.е. субъектно-деятельностное начало.

Если применять методологию «Капитала» К. Маркса, где дуализм, заложенный в товаре стал главным содержанием развития капиталистических отношений и их анализа, дуализм символически объективного и символически субъективного становится исходной позицией понимания природы социального, социальных конструкций и систем. Берем ли мы институты, для которых характерно противоречие между устойчивостью, инерционностью правил, норм и необходимостью совершенствования, изменения; берем ли мы социальные структуры, устойчивость которых абсолютна, но изменчивость относительна, но реальна. Везде, где есть социальное, борются два начала: договоренности, установления, принятые нормы и субъективно-деятельностная активность, стремление желать, проявить волю и самостоятельность, готовность согласиться или не согласиться с принятыми правилами.

Фундаментальное понимание главных демиургов устойчивости, стабильности, самовозобновляемости в социальной жизни — социальных институтов — также, на наш взгляд, коренится в исследовании дуализма символически субъективного и символически объективного, в изучении диалектики легитимности как духовно-мотивационной компоненты и принуждаемого (enforcement) и поощряемого типа социальных практик,

назовем эту формообразующую компоненту института социальным порядком.

Ресурсы легитимности и ресурсы принуждаемого порядка в процессе институциональной (т.е. повторяемой, неэкспериментальной, типичной) практики находятся в сложном амбивалентном взаимодействии. «Реалистские» (рационалистические) концепции понимания социальных институтов делают легитимность некритическим духовно-мотивационным слепком социального порядка. Легитимность всякого относительно устойчивого социального явления в соответствии с «рационалистической» трактовкой, разделяется априори подавляющим большинством акторов (DiMaggio 1998; Ingram, Clay 2000), пренебрегается способность актора взвешивать, соглашаться или возражать, проектировать иные желательные для него, но конфликтующие с установленным порядком свои стратегии будущего. У разных акторов эти оттенки нового, иного могут быть выражены в разной мере и в разнообразных формах: от неосознанных интуитивных надежд и предпочтений до последовательных доктрин и программ будущего.

Вместе с тем феноменологические трактовки институтов предполагают понимание институциональной практики как интериоризованного «сценария», проигрываемого акторами в соответствии с привычными стандартами поведения (Nielsen 2001). В этом случае происходит абсолютизация личного предпочтения, пренебрежение символически объективным компонентом институциональной практики — институциональными порядками, подкрепленными властью, способностью к принуждению. В действительности флуктуации духовно-мотивационной основы институциональной практики так или иначе с помощью различных ресурсов, факторов, логик удерживаются в рамках определенного социального поля, границы которого очерчены институциональным порядком. Иначе общество превращается в фикцию.

Взаимодействие символически субъективных и символически объективных начал социального института, легитимности и социального порядка наполнено драматизмом конфликтов, диссонансов. Легитимность — это внутреннее противоречивое явление, далекое от всеобщего одобрения.

Реализация этого ресурса социальных институтов происходит через массу отклонений, случайностей, попятных движений, относительного неприятия, неполного согласия, наличие своего взгляда и своих представлений, социальных стратегий и т.д. Являясь символически субъективной основой институциональной практики, именно внутренняя неоднородность, противоречивость легитимности как символически субъективного

компонента становится почвой, в которой вызревают новые символические атрибуты и стратегии будущего как триггеры социальных изменений.

Вся эта драма в то же время происходит в рамках определенного поля, границы которого очерчены институциональным порядком.

Рассматривая внутреннюю неоднородность, противоречивость легитимности как символически субъективного начала институциональной практики, мы в рамках научно-теоретического (неминуемо схематического) дискурса выделяем несколько основных форм легитимности.

Легитимность желательного для института поведения может быть абстрактно-необходимой (безусловной), желательной, но допустимо и иное поведение, или может вообще отсутствовать желательный порядок вещей, в том числе запреты определенного поведения, могут не признаваться разумными и необходимыми. Следовательно, можно выделить три уровня обязывающего ресурса добровольного признания необходимого поведения и соответственно три уровня надежности, гарантированности добровольного исполнения актором институциональных норм, правил поведения.

В основе абсолютной (безусловной) легитимности лежит последовательное позитивное морально-ценностное отношение актора к тем порядкам, которые устанавливает институт. Его противоположность — отсутствие легитимности — отказывает предлагаемым правилам игры в оценке их ценными, разумными, необходимыми. Промежуточное состояние легитимности (желательно, но допустимо и иное) фиксирует крайне противоречивое положение с легитимностью того или иного порядка вещей. Она существенно раздвигает рамки социального порядка. Нежелательное (или не совсем желательное) для функционирования института поведение оценивается не только как возможное, но и в определенных ситуациях как «допустимое», не требующее неперемennого признания, решительного пресечения.

Конечно, любая институциональная система как общественный строй сталкивается с проблемой желательного, должного и сущего на языке морали. Вопрос в том, что считать допустимым, насколько допустимое угрожает институциональному порядку, способно тормозить деятельность социальных институтов. Одно дело взятка — полученная и заранее оговоренная хирургом за операцию сумма, другое дело букет цветов, бутылка виски в знак благодарности и признания. Первое ведет к деформации социального института здравоохранения, второе, отнюдь не обязательное, напрямую такой угрозы не содержит.

Проблема внутренней неоднородности, противоречивости легитимности имеет еще один аспект: единодушие, массовость признания инсти-

туциональных порядков разумными. Условно можно выделить: а) признание элитами, высокоресурсными группами необходимости соблюдать определенные правила игры, законы, образцы поведения (легитимность-1), б) признание рядовыми членами общества необходимости, разумности предлагаемых институциональных правил (легитимность-2), в) всенародная поддержка предлагаемых институциональных норм (легитимность общенародная), когда правила игры признаются подавляющим большинством населения (легитимность общенародная = легитимность-1 + легитимность-2). Конечно, предлагаемые условия и модели легитимности достаточно условны и неизбежно схематичны. В реальности эти процессы протекают более драматично и неоднозначно. Так, в случае легитимности элит возможны противоречия между различными ее группами, причем достаточно сильные. Не говоря уже о том, что различные группы могут характеризоваться различными уровнями признания разумными одних и тех же правил и норм.

Более того, возможны внутренние противоречия между представителями элит (внутриэлитный конфликт), когда стремление к высшим целям соседствует с признанием допустимости коррупции, злоупотребления властью, а тем более протекционизма, фаворитизма, авторитаризмом.

Не все просто с общенародным признанием (легитимность всенародная). Речь в этом случае идет скорее о тенденции, чем о какой-то абсолютной цифре поддержки.

Проведенный нами анализ взаимодействия символически субъективного и символически объективного в ходе институциональной практики высвечивает еще одну проблему, органически связанную с социальными институтами, — социальную структуру.

В противовес понятийному аппарату структурного функционализма понятие структуры замещается или заполняется, на наш взгляд, понятием поля, которое более емко, преодолевает схематизм, присущий понятию структура, особенно ее экстраполирование в ходе конкретного анализа. Понятие поля не отбрасывает символически объективное, признает в социальной жизни обаяющего начала в виде правил, договоренностей, вместе с ним эти начала реализуются в ходе переплетения смыслов, желаний, готовностей, согласия-несогласия конкретных акторов. Центральной фигурой поля становится не «окаменевшая» структура, а подвижный пульсирующий мир практической деятельности людей, который держится на определенных нормах и принятых правилах и главной формой которой является социальная практика, через которую воплощается «объективно-обязывающая» компонента социальной жизни как типичное, повторяемое, не единожды совершающееся. Но в этом поле встречаются

и интенции, не вполне и не совсем совпадающие с принятой практикой, дающие толчок к изменениям правил, договоренностей, их модернизации.

Таким образом, сложная работа по совершенствованию понятийного аппарата социологической теории в процессе становления новой идентичности потребует серьезного переосмысления ряда ключевых понятий социологии, переосмысления конгруэнтного признания самовозобновляемого устойчивого участия личности, ее интенций, желаний, согласия или несогласия, автономии в социальном мире.

* * *

Очевидно, что кризисное состояние социологической науки обусловлено рядом объективных и субъективных факторов. Как писал Карл Поппер, «история науки, подобно истории всех человеческих идей, есть история безотчетных грез, упрямства и ошибок. Однако наука представляет собой один из немногих видов человеческой деятельности, возможно, единственный, в котором ошибки подвергаются критике и со временем довольно часто исправляются» (Поппер 2004: 362).

Прогресс в современном состоянии социологической теории или, шире, теоретической программы социологии, может быть достигнут за счет принятия тезиса о том, что независимая от личности социальная структура является результатом сложного взаимодействия, в котором утверждают себя власть, порядок, мораль, она диктует этой и другим личностям нормы поведения. При этом личность не слепо принимает эти нормы, а взвешивает, соглашается/не соглашается, вдохновляется или иронизирует, осмысливает новые варианты, пытается их реализовать. Таким образом пульсирует и развивается социум как живая реальность.

Предложенная комплементарная модель преодоления эндогенного кризиса социологии как науки, как призвания и как профессии имеет своей интенцией мысленно охватить (очертить) некие контуры (гибкие, нежесткие) того идейно-теоретического и профессионального пространства, в котором синтезировано понимание общества, его институтов, порядка, морали как символически объективного, существующего до и помимо актуального индивида, и конструктивно-интерпретативная интеллектуальная деятельность личности, реализующей свои интенции, желания, автономию.

В оболочке этого пространства сосуществуют различные интеллектуальные версии, рефлексии в виде идей, доктрин, теорий и учений, постигающих актуальные проблемы современного бытия (такие как «габитус», «капитал», «конструкт», «поле», «правило»). Речь идет об интеллектуальном пространстве, в котором нет места жесткости, без-

альтернативности, научному однообразию. Это пространство разнообразных откликов, рефлексий, в своей совокупности представляющих результаты и процесс модернизации социологической идентичности.

Литература

Александр Дж.Ч. (2004) Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума. Часть I. Перевод И.Ф. Девятко, М.С. Добряковой. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М)*, 18: 167–204.

Бергер П., Лукман Т. (1995) *Социальное конструирование реальности*. М.: Медиум.

Бурдые П. (1993) Символическое пространство и символическая власть. *Thesis*, 1(2): 137–150.

Вайзе П. (1993) Homo Economics и Homo Sociologus: монстры социальных наук. *Thesis*, 1(3): 115–130.

Гофман А.Б. (2013) О модах в современной теоретической социологии. *Социологические исследования*, 10: 21–28.

Девятко И.Ф. (1996) *Модели объяснения и логика социологического исследования*. М.: Институт социологии РАН.

Дюркгейм Э. (2021) *Правила социологического метода*. М.: АСТ.

Зарубина Н.Н. (2012) Социально-экономическая проблематика в теориях постмодернистского типа. *Социологические исследования*, 11: 9–19.

Интервью с профессором Томасом Лукманом (2002) *Журнал социологии и социальной антропологии*, 5(4): 5–14.

Кожанов А.А. (2015a) Взаимное превращение обыденного и научного в истории создания новой социологии науки в 1970–1980-х гг.: модель совмещения социального и рационального объяснений. Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Катерный И.В. (ред.) *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации*. М: Прогресс-Традиция: 310–324.

Кожанов А.А. (2015b) Методология теоретических исследовательских программ: сравнительные преимущества для анализа динамики научного знания. *Социология: методология, методы, математическое моделирование*, 40: 114–140.

Коллинз Р. (1994) Социология: наука или антинаука? *THESIS*, 4: 71–96.

Лакатос И. (1995) *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*. М.: Медиум.

Латур Б. (2014) *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Малинкин А.Н. (2006) Парадигмальный подход в контексте интеллектуальной ситуации в России. *Социологические исследования*, 1: 114–123.

Мертон Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ; Хранитель.

Мнацаканян М.О. (2016) Постмодернизм и судьба социологии. *Социологические исследования*, 9: 134–140.

Тощенко Ж.Т. (ред.) (2013) *Новые идеи в социологии: монография*. М.: ЮНИТИ-ДАНА.

Поппер К. (2004) *Предположения и опровержения. Рост научного знания*. М.: АСТ; Ермак.

Радаев В.В. (2013) Российская социология в поисках своей идентичности. *Социологические исследования*, 7: 3–17.

Романовский Н.В. (2016) Дискурс кризиса (в) современной социологии. *Социологические исследования*, 4: 3–12.

Щёлкин А.Г. (2017) Постмодернизм в социологии. О ненавязчивых последствиях одной социологической моды. *Социологические исследования*, 2: 120–130.

Эфендиев А.Г. (2021) Социальное развитие в современную эпоху. Теоретическое исследование новой реальности. *Социологические исследования*, 47(1): 16–27.

Ядов В.А. (2003) Возможность совмещения теоретических подходов. *Социологический журнал*, 3: 5–19.

Alexander J.C. (1982) *Theoretical Logic in Sociology. Vol. I: Positivism, Presuppositions, and Current Controversies*. Berkeley: Univ. of California Press.

Berger J., Zelditch M. (1993) *Theoretical research programs: Studies in the growth of the theory*. Stanford University Press.

Bowden B. (2019) Empiricism, epistemology and modern postmodernism: a critique. *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*, 14(4): 481–497.

Camic Ch., Gross N. (1998) Contemporary Developments in Sociological Theory: Current Projects and Conditions of Possibility. *Annual Review of Sociology*, 24(1): 453–476.

DiMaggio P. (1998) The New Institutionalisms: Avenues of Collaboration. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 154(4): 696–705.

House J.S. (2019). The culminating crisis of American sociology and its role in social science and public policy: an autobiographical, multimethod, reflexive perspective. *Annual Review of Sociology*, 45: 1–26.

Ingram P., Clay K. (2000) The choice-within-constraints new institutionalism and implications for sociology. *Annual Review of Sociology*, 26: 525–546.

Levine D. (1986) The Forms and Functions of Social Knowledge. In: Fiske D., Shweder R. (eds.) *Metatheory in Social Science*. Chicago: Univ. Chicago Press: 271–283.

Levine D. (1995) *Visions of the Sociological Tradition*. Chicago: Univ. Chicago Press.

Levine D. (2018) *Dialogical Social Theory*. N.Y.: Routledge.

Matthewman S., Hoey D. (2006) What happened to postmodernism? *Sociology*, 40(3): 529–547.

Nielsen K. (2001) Institutional approaches in the social sciences: typology, dialogue, and future challenges. *Journal of Economic Issues*, 35(2): 505–516.

Pleasant N. (1997) The Post-positivist Dispute in Social Studies of Science and Its Bearing on Social Theory. *Theory, Culture, and Society*, 14: 143–156.

Ritzer G. (1975) Sociology: A Multiple Paradigm Science. *The American Sociologist*, 10(3): 156–167.

Ritzer G. (1991) *Metatheorizing in Sociology*. Lexington, MA: Lexington Books.

Wagner D.G. (1984) *The Growth of Sociological Theories*. Beverly Hills, CA: Sage.

Zammito J. (2004) *Nice Derangement of Epistemes*. Chicago: University of Chicago Press.

MODERNIZING SOCIOLOGICAL IDENTITY: A THEORETICAL EXPLORATION

Azer G. Efendiev¹ (efendiev@hse.ru),

Andrey A. Kozhanov^{1,2}

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Citation: Efendiev A.G., Kozhanov A.A. (2024) Puti modernizatsii sotsiologicheskoy identichnosti: opyt teoreticheskogo poiska [Modernizing sociological identity: a theoretical exploration]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 7–37 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.1>. EDN: DPJYDK

Abstract. The crisis, fragmentation and “letdown” of modern Sociology are analyzed with the main goal — to outline a strategy for overcoming the crisis of the internal development of modern Sociology as a Science, as a Profession and as a Vocation. It is very important to establish methodological *monism* to restore the Sociological Identity within the complete system of Sociological Knowledge. The main epistemological tools for creating the unified system of Sociology are based on the assertion of the principle of complementarity, overcoming the fragmentation of scientific isolationism and even mutual hostility of sociological paradigms are considered. Staying on this principle, the new theoretical and empirical wholistic strategies for the basic concepts in Sociology can be formulated: the Social, Social Institutions, Social Structures that maintain harmonious Unity and Interaction in the Social Life, symbolic-objective, structural-functional actor-independent conditions, rules, and symbolic-subjective as manifestation of phenomenological-constructive activity, everyday life experience of Social Actor.

Keywords: crisis in sociology, multi-paradigms in sociology, structural-functional approach, phenomenological approach, postmodernist approach, concept of agency in

sociology, principle of complementarity, system of sociological knowledge, social, symbolic-objective, symbolic-subjective.

References

Alexander J.C. (2004) *Obshchaya teoriya v sostoyanii postpozitivizma: «epistemologicheskaya dilemma» i poisk prisutstvuyushchego razuma* [General Theory in a State of Postpositivism: the “Epistemological Dilemma” and the Search for Present Reason]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)], 18: 167–204 (in Russian).

Berger P., Luckmann T. (1995) *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti* [Social Construction of Reality]. Moscow: Medium (in Russian).

Bourdieu P. (1993) *Simvolicheskoye prostranstvo i simvolicheskaya vlast'* [Symbolic Space and Symbolic Power]. *Thesis*, 1(2): 137–150 (in Russian).

Vayze P. (1993) *Homo Economics i Homo Sotsiologichus: monstry sotsial'nykh nauk* [Homo Economics and Homo Sociologichus: Monsters of the Social Sciences]. *Thesis*, 1(3): 115–130 (in Russian).

Gofman A.B. (2013) *O modakh v sovremennoy teoreticheskoy sotsiologii* [About Fashions in Modern Theoretical Sociology]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological Research], 10: 21–28 (in Russian).

Devyatko I.F. (1996) *Modeli obyasneniya i logika sotsiologicheskogo issledovaniya* [Models of Explanation and Logic of Sociological Research]. Moscow: Institut sotsiologii RAN (in Russian).

Durkheim E. (2021) *Pravila sotsiologicheskogo metoda* [Rules of Sociological Method]. Moscow: AST (in Russian).

Zarubina N.N. (2012) *Sotsial'no-ekonomicheskaya problematika v teoriyakh postmodernistskogo tipa* [Socio-Economic Issues in Postmodern Theories]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological Research], 11: 9–19 (in Russian).

Intervyu s professorom Thomasom Luckmannom [Interview with Professor Thomas Luckmann] (2002) *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 5(4): 5–14 (in Russian).

Kozhanov A.A. (2015a) *Vzaimnoye prevrashcheniye obydennogo i nauchnogo v istorii sozdaniya novoy sotsiologii nauki v 1970–1980-kh gg.: model' sovmeshcheniya sotsial'nogo i ratsional'nogo obyasneniya* [Mutual transformation of the Ordinary and the Scientific in the history of the Creation of a New Sociology of Science in the 1970–80s: a Model of Combining Social and Rational Explanations]. Devyatko I.F., Abramov R.N., Katernyy I.V. (eds.) *Obydennoye i nauchnoye znaniye ob obshchestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguratsii* [Ordinary and Scientific Knowledge about Society: Mutual Influences and Reconfigurations]. Moscow: Progress-Traditsiya: 310–324 (in Russian).

Kozhanov A.A. (2015b) *Metodologiya teoreticheskikh issledovatel'skikh programm: sravnitel'nyye preimushchestva dlya analiza dinamiki nauchnogo znaniya* [Methodology of Theoretical Research Programs: Comparative Advantages for Analyzing the Dynamics of Scientific Knowledge]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)], 40: 114–140 (in Russian).

Collins R. (1994) *Sotsiologiya: nauka ili antinauka?* [Sociology: Science or Anti-Science] THESIS, 4: 71–96 (in Russian).

Lakatos I. (1995) *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program* [Falsification and Methodology of Research Programs]. Moscow: Medium (in Russian).

Latour B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo. Vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social. Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014 (in Russian).

Malinkin A.N. (2006) Paradigmal'nyy podkhod v kontekste intellektual'noy situatsii v Rossii [A Paradigmatic Approach in the Context of the Intellectual Situation in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 1: 114–123 (in Russian).

Merton R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST; Khranitel (in Russian).

Mnatsakanyan M.O. (2016) Postmodernizm i sudba sotsiologii [Postmodernism and the Fate of Sociology]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 9: 134–140 (in Russian).

Toshchenko Zh.T. (ed.) (2013) *Novyye idei v sotsiologii: monografiya* [New Ideas in Sociology: Monograph]. Moscow: Yunity-Dana (in Russian).

Popper K. (2004) *Predpolozheniya i oproverzheniya. Rost nauchnogo znaniya* [Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge]. Moscow: AST; Yermak.

Radayev V.V. (2013) Rossiyskaya sotsiologiya v poiskakh svoey identichnosti [Russian Sociology in Search of its Identity]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 7: 3–17 (in Russian).

Romanovskiy N.V. (2016) Diskurs krizisa (v) sovremennoy sotsiologii [Discourse of Crisis (in/of) Modern sociology]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 4: 3–12 (in Russian).

Shcholkin A.G. (2017) Postmodernizm v sotsiologii. O nenyavazhivnykh posledstviyakh odnoy sotsiologicheskoy mody [Postmodernism in Sociology. On the Unobtrusive Consequences of One Sociological Fashion]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 2: 120–130 (in Russian).

Efendiyev A.G. (2021) Sotsial'noye razvitiye v sovremennuyu epokhu. Teoreticheskoye issledovaniye novoy real'nosti [Social Development in the Modern Era. Theoretical study of the New Reality]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 47(1): 16–27 (in Russian).

Yadov V.A. (2003) Vozmozhnost' sovmeshcheniya teoreticheskikh podkhodov [Possibility of Combining Theoretical Approaches]. *Sotsiologicheskyy zhurnal* [Sociological Journal], 3: 5–19 (in Russian).

Alexander J.C. (1982) *Theoretical Logic in Sociology. Vol. I: Positivism, Presuppositions, and Current Controversies*. Berkeley: Univ. of California Press.

Berger J., Zelditch M. (1993) *Theoretical research programs: Studies in the growth of theory*. Stanford University Press.

Bowden B. (2019) Empiricism, epistemology and modern postmodernism: a critique. *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*, 14(4): 481–497.

Camic Ch., Gross N. (1998) Contemporary Developments in Sociological Theory: Current Projects and Conditions of Possibility. *Annual Review of Sociology*, 24(1): 453–476.

DiMaggio P. (1998) The New Institutionalisms: Avenues of Collaboration. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 154(4): 696–705.

House J.S. (2019) The culminating crisis of American sociology and its role in social science and public policy: an autobiographical, multimethod, reflexive perspective. *Annual Review of Sociology*, 45: 1–26.

Ingram P., Clay K. (2000) The choice-within-constraints new institutionalism and implications for sociology. *Annual Review of Sociology*, 26: 525–546.

Levine D. (1986) The Forms and Functions of Social Knowledge. In: Fiske D., Shweder R. (eds.) *Metatheory in Social Science*. Chicago: Univ. Chicago Press: 271–283.

Levine D. (1995) *Visions of the Sociological Tradition*. Chicago: Univ. Chicago Press.

Levine D. (2018) *Dialogical Social Theory*. New York: Routledge.

Matthewman S., Hoey D. (2006) What happened to postmodernism? *Sociology*, 40(3): 529–547.

Nielsen K. (2001) Institutional approaches in the social sciences: typology, dialogue, and future challenges. *Journal of Economic Issues*, 35(2): 505–516.

Pleasant N. (1997) The Post-positivist Dispute in Social Studies of Science and Its Bearing on Social Theory. *Theory, Culture, and Society*, 14: 143–156.

Ritzer G. (1975) Sociology: A Multiple Paradigm Science. *The American Sociologist*, 10(3): 156–167.

Ritzer G. (1991) *Metatheorizing in Sociology*. Lexington, MA: Lexington Books.

Wagner, D.G. (1984) *The Growth of Sociological Theories*. Beverly Hills, CA: Sage.

Zammito J. (2004) *Nice Derangement of Epistemes*. Chicago: University of Chicago Press.